

Коста Хетагуров

Плачущая скала

Коста Леванович Хетагуров

Плачущая скала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233780

Аннотация

Незаконченная поэма «Плачущая скала», в основу которой положена народная легенда, социальный и психологический контраст между верхушкой общества и простыми горцами.

Коста Хетагуров

Плачущая скала

Осетинская легенда

Пишу опять, но вы признанья,
Друзья, не требуйте, пока
Вдали от вас часы изгнанья
Ползут лениво, как века.
Тоской мучительной разлуки
К чему теперь тревожить вас?—
Не лучше ль почитать от скуки
Вот этот небольшой рассказ?
Давно, в младенческие годы,
Его поведал мне пастух,—
Герой его – каприз природы,
Судьбы злорадство, враг свободы,
Какой-то кровожадный дух.

Давно, давно... Всегда два раза
Сказать приходится «давно»,
Когда нам нитью для рассказа
Служить предание должно.
Когда туманное начало
Почти не вяжется с концом
И повесть рвется, как мочало,
При изложении дурном;

Когда, забыв свои заботы,
Тревоги будничного дня,
У нас в часы полудремоты
Серьезно мыслить нет охоты
И сказкой тешимся, друзья.

Давно, давно, когда суровый
Кавказ во мраке утопал,
Когда о жизни нашей новой
Еще никто и не мечтал;
Когда судьбу людей решали
Порыв, каприз и произвол,
Когда для слез, для мук, печали
Гораздо больше было зол;
Когда для варварской забавы
Людская кровь лилась рекой,
Когда для подвигов и славы
Был нужен меч и бой кровавый,—
Тогда вот случай был такой:

Как гнезда, по крутым карнизам
Необитаемых руин,
Рядами на утесе сизом
Лепились сакли осетин.
Открытый для грозы и бури,
Аул на небо не роптал.
Казбек незыблемый в лазури
Над ним алмазами сверкал.
У ног, под дымкой голубою,

На север из цветущих стран
Крутой извилистой тропею
Несмело проходил порою
С дарами пышный караван.

Немного осетину надо
Теперь, тем менее тогда,—
Винтовка, лезвие булата,
Отвага, ловкость, быстрота,—
В морщинах горных великанов
Настигнет тура, серну, лань,
Возьмет за путь от караванов
Давно положенную дань.

Тревожна жизнь, мятежно счастье,
Но странник в бурю, дождь и снег,
В часы осеннего ненастья —
Находит у него участие,
Привет радушный и ночлег.
Мхом заросла тропа крутая,
И от аула нет следа,
А в нем богатая, большая
Была кунацкая тогда.
Седой, с осанкой горделивой,
Старик Леван, бывало, в ней
Приветливо, без маски льстивой,
Встречал и потчевал гостей,
И здесь за чашей круговую
От них выслушивал рассказ,

Как там, за цепью снеговою,
Народы тешились войною,
Стремясь пробиться на Кавказ.

Хозяйство старого Левана
Вела его родная дочь
Азау, – бедняжка, неустанно
Работала и день, и ночь.
Безмерно прихотливы грезы
Беспечной юности везде,
Но скорби затаенной слезы
Не иссушают грудь нигде
С такой ужасной быстротою,
Как там, на родине моей.
Азау была уже вдовою,—
Увяли раннею весною
Цветы, возвращенные для ней.

Но небо было милостиво,—
Дало ей сына – весь в «него»—
И как она его ревниво
Оберегала от всего!
С большими черными глазами,
С копной волос, как белый лен,
Красавец сын с его годами
Не в меру был смышлен, силен.
Любимец всех, – сбежит, бывало,
В аул к родным – исчез и нет!
Ему и горя было мало,

Что мать его в слезах встречала,—
Придет, — хохочет ей в ответ...

Окончен ужин, но рассказу
Конца и в полночь еще нет...
В былые времена Кавказу
Не трудно было знать секрет
Страны, где все права народа —
Покорность, труд, нужда и стон,
Где все, что создает свобода
Карал безжалостно закон.
Везде гнетущую тревогу
Вселяла весть о том, что враг
Поставил за Кубанью ногу
И силится пробить дорогу
К Дарьялу в девственных лесах.

Еще далек он, но для встречи
Готовым надо быть теперь,
Пока чугунные картечи
Не постучались в окна, в дверь,
И, проломав в стене окошко,
Большая бомба по углам,
Дымясь, не начала, как кошка
За мышью, бегать по пятам.
Леван тревожился немало,—
Он часто выходил на сход,
Увещевал... Толпа внимала,
Шумела, слабо понимала

Опасность... Шел за годом год.

Тревожней становились вести,—
Пощады побежденным нет.
К защите родины и чести
Решит ли приступить совет?
Двенадцать стариков почетных
Уже рядят двенадцать дней,
Как встретить коршунов залетных,
Незванных потчевать гостей?
И лишь с тринадцатым заходом
Едва-едва могли решить,
Что лучше умереть народом
Свободным, чем кровавым потом
Рабами деспоту служить.

И весь народ единогласно
Решенье принял, как закон,
Хоть волю понимали разно,
А рабство понимал ли он?
Решили заpastись отвагой,
Зернистым порохом, свинцом...
Не поменяется папашой,—
Клялись все, — с девичьим платком
Никто из нас». И в довершение
Утес, замкнувший головой
Исток глубокого ущелья,
Народ решил без замедленья
Украстить башней боевой.

Работа быстро закипела.
На мшистых каменных плечах
Утеса положили смело
Подножье стен, – пусть знает враг,
Какой незаблемой заставой
Ему здесь загородят путь,
С какой отчаянной отвагой
Здесь каждый грудью встретит грудь,
Как страха, жалости не зная,
Здесь все решились, как один,
Погибнуть, кровью истекая,
Как честь страны, свободу края
Ценить умеет осетин!

Лучи багрового заката
Погасли на вершинах гор...
К ночлегу возвратилось стадо...
Кипит работа до сих пор.
Подножье широко и прочно,
На нем, как вылита, стена,
И все срослось с скалою, точно
На башне выросла она.
Спустились мастера к подножью
И пред творением своим
Отдались сладкому безмолвью,—
Впервые общею любовью,
Любить, ведь, приходилось им.

С лучом румяного восхода
Дарила людям своей привет
Вновь пробужденная природа...
Но где же башня? Башни нет!..
Не видно на вершине дикой
Утеса даже и следа,
Как будто этот труд великий
И не был начат никогда.
Внизу лишь, в глубине долины,
Валялись плиты здесь и там...
Непостижимо! – «Без причины
Нет бед», – решают осетины
И шлют молитвы к небесам.

Двенадцать стариков почетных
Уже рядят двенадцать дней,
Как испросить у сил небесных
Прощенье за грехи людей?
И чем прогневанное небо
Умилостивить, чтоб оно
С врагом, громящим все так смело,
Не действовало заодно.
И лишь с тринадцатым заходом
Едва-едва могли решить,
Что чем под ясным небосводом
Быть небом проклятым народом,—
Так лучше умереть, не жить!